

С.В. Черненькая

Философия языка для аспирантов

В статье предлагается видение курса по философии языка для аспирантов-лингвистов, читаемого в рамках истории и философии науки и раскрывающего специфику истории и методологии лингвистики, связь философских и специально-научных исследований языка. Особое внимание в рамках курса уделяется языку науки.

Ключевые слова: язык; мышление; методология; философия языка; лингвистика; семантика.

«История и философия науки» является обязательной дисциплиной при сдаче кандидатского минимума для всех специальностей. Введение данного экзамена с июля 2005 г вызвало бурные дискуссии в нашем обществе, по крайней мере среди преподавателей-философов, которые продолжаются и сейчас. Но мне хотелось бы остановиться в статье не на критической стороне вопроса, а на позитивно-содержательной: что и как излагать в рамках данного курса¹.

Концепцией курса предусмотрены общий раздел, включающий вопросы истории и методологии науки, и специальный раздел, освещающий философские вопросы конкретных научных дисциплин. Предмет изучения истории и философии науки совпадает с тем, что традиционно принадлежало сфере гносеологии, логики и методологии науки. Но оформляющаяся на рубеже XIX–XX вв. философия науки не просто наследует традиционные вопросы теории познания. Сложившееся в настоящее время соотношение истории науки и философии науки претерпело изменения в течение всего XX века — принципиально изменился как облик самой истории науки, так и ее философский анализ.

История науки и философия науки, выступавшая прежде всего как логика, существовали к началу XX века независимо друг от друга. Логика, будучи нормативной дисциплиной, ставила своей целью выработку критериев истинности знания и процедур доказательств, приводящих к установлению истины. Неопозитивизм также рассматривал логику в контексте решения проблемы обоснования научного знания. К середине столетия разрыв между логико-методологическими представлениями о знании и историко-научными описаниями становится настолько очевидным, что его уже не удастся объяснить ссылкой на различие «нормативного» и «описательного» подходов.

¹ Опираюсь на опыт работы с аспирантами-лингвистами 1-го года обучения 2015 г.

Новый этап в развитии философии науки характеризуется именно обращением к истории науки как к своему эмпирическому базису, а также попытками привести в соответствие логические нормы, методологические правила и практику научного исследования. И. Лакатос (1922–1974) выразил наметившиеся изменения во взаимоотношениях истории и философии науки так: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа». Именно история науки, подчеркивал он, выступает «пробным камнем» для любых концепций в области философии науки.

Соответственно, в рамках раздела «Философия языка», рассчитанного на аспирантов-лингвистов, язык рассматривается как объект исследования философии — логики и отдельных направлений современной философии: аналитической философии, герменевтики, структурализма — и лингвистики, выделяется различие подходов к языку, прослеживаются их взаимодействие и трансформации в связи с развитием как философии в целом, так и наук о языке.

Как научная дисциплина и отдельная область исследования философия языка возникает в XX веке на стыке философских (логики, теории познания) и лингвистических исследований языка. Но имплицитно эта область исследования существовала и прежде в виде определённого теоретического содержания, характеризующего различные лингвофилософские аспекты изучения языка. В настоящее время философия языка представляет различные (в том числе альтернативные) научные программы, исходящие из определённой идеализации языка и исследующие язык как деятельность в системе социокультурных связей и отношений. При этом не только в философии языка, но и в языкознании многие вопросы остаются открытыми: нет единства в определении таких основополагающих понятий, как «знак», «произвольность знака», «смысл», неоднозначно определяются отношения между синтаксисом и семантикой, вопрос о происхождении языка и др.

Следует иметь в виду, что на протяжении более двух тысяч лет европейской традиции исследования языка философские и эмпирические теории языка не имели строго разграничения (например, диалог Платона «Кратил» считается лингвистами первым специальным исследованием по лингвистике), и только с XIX века различия в подходах оформляются в самостоятельные области исследования как в философии, так и в языкознании. Уже древнегреческая философия выдвигала философские вопросы языка, известные сегодня как вопросы «знаковости языка», в частности, проблему связи имени и обозначаемого им предмета (произволен или непроизволен словесный знак). Сущность этой проблемы, которая несколько видоизменялась в разных философских школах, сводится к ответу на вопрос, присваиваются ли слова вещам в соответствии с природой последних (по природе — $\phi\upsilon\beta\epsilon\iota$) или же связь между словом и вещью устанавливается по обычаю ($\nu\omicron\mu\omega$, $\sigma\upsilon\nu\theta\acute{\eta}\kappa\eta$, $\acute{\epsilon}\theta\epsilon\iota$), т. е. произвольно. В этом споре, занимая различные позиции, приняли участие Гераклит, Демокрит, Протагор, Эпикур и другие. В диалоге «Кратил» Платон подробно разбирает аргументы в пользу обеих точек зрения, представленных Кратилом и Гермогеном.

Кратил утверждает, что в словах отражается «естественное сходство» между формой слова и изображаемой им вещью; возражающий ему Гермоген, напротив, говорит, что «какое имя кто чему-либо установил, такое и будет правильным». Аргументация Сократа в пользу Кратила интересна, в частности, тем, что он отталкивается от тезиса об «инструментальности» языка: «имя есть некое орудие... распределения сущностей, как, скажем, челнок — орудие распределения нити» [2: с. 650]. Поскольку язык является инструментом, а имена служат для различения вещей, которые они обозначают, то они не могут не отражать природу самих вещей. «Отыскав для каждого дела орудие, назначенное ему от природы, человек должен и тому, из чего он создает изделие, придать не какой угодно [образ], но такой, какой назначен природой» [2: с. 658].

Поскольку язык выступает инструментом, а любой инструмент должен отражать природу материала, с которым он работает (как челнок должен быть челноком, а не чем-то иным, чтобы разделять нити пряжи), то знаки языка отражают природу обозначаемых ими предметов, и, таким образом, произвольность обозначения ограничивается самой природой обозначаемых вещей.

Сократ приводит один из критериев «естественности» (природной детерминированности) имен: одни имена воспроизводят предмет по звуку, издаваемому им в реальной жизни, другие — по его визуальной стороне и т. д. Гермоген, возражая, указывает на слабость такой аргументации, поскольку множество имен совершенно не напоминают (т. е. никак не воспроизводят на чувственном уровне) обозначаемые ими предметы. Сократ ссылается на особенности употребления — иностранное происхождение имен, либо на их изменение в процессе употребления, что затрудняет выяснение связи между ними и обозначаемыми предметами. Следовательно, решить вопрос о произвольности слова невозможно без анализа природы значения и, далее, — без рассмотрения степени обусловленности этой природы.

В диалоге не дается решения проблемы: ни одну, ни другую точку зрения нельзя признать правильной, так как «правильный по природе» язык может существовать только в идее.

«Кратил» Платона стал первым в европейской науке специальным сочинением по лингвистике, содержащим некоторую систему представлений о преобразовании идеи в текст. Согласно Платону, сущности вещей («идеи») отражаются в индивидуальном человеческом сознании различными сторонами и соответственно обозначаются различными именами. В высказывании каждое имя, будучи окруженным другими именами и сопоставленным с ними, уточняется и становится доступно сообщению другому человеку.

В «Кратиле», «Федоне», «Евтифроне» и других диалогах Платон затрагивает один из основных вопросов философии языка — как слова приобретают значение. Семантика занимала особое место не только в античной традиции. «Исправления имен» в Китае (если правление императора было несчастлив, девиз правления объявлялся «неправильным» и изменялся), арабская традиция (Ибн Джинни) и др. поднимали вопросы семантизирования. Многие

традиции искали причинные связи в процессе именованя, пытались выявить природные свойства предмета или явления, которые потребовали его назвать именно таким способом, использовать в слове с соответствующим значением те, а не другие звуки. Каждый конкретный подход имел особенности, связанные, в частности, со строем изучаемого языка, однако почти во всех традициях считалось, что имена даны вещам не случайно и что через значение слов можно постичь качества того, что ими обозначено.

Точка зрения об их «естественной» связи (так называемая платоновская) существовала в лингвистике очень долго. Данный вопрос будет обсуждаться и В. фон Гумбольдтом, и Ф. де Соссюром, и Р. Якобсоном и др. Аспиранты также включаются в обсуждение проблемы, опираясь на имеющиеся знания и представления, связанные с профессиональной деятельностью. На вопрос «Какие аргументы могли бы вы привести в пользу позиции Кратила или Гермогена?» Наталья К.², ссылаясь на Ю. Лотмана, отметила, что *«существуют различные типы культур, в одних наименование не связано с природой вещей, в других, напротив, идея данной связи крайне важна. В частности, в эпоху классицизма авторы давали героям своих произведений условные имена, выражающие основное качество героя (Правдин, Свиньин и т. д.). В XIX в. О. де Бальзак в своих произведениях («З. Маркас» и др.) посвятил немало страниц защите связи имени и его носителя, всегда уделял особое внимание именам своих персонажей, долго искал их. Между ним и другими писателями также произошел спор, в котором был поставлен вопрос, аналогичный главному вопросу “Кратила”»*. Александра Г. связала именование с пониманием: *«Имена, даваемые людьми, могут быть как правильными, так и неправильными. Правильность наименования предмета зависит от понимания этого предмета»*. Тот же подход у Натальи К.: *«Люди старались отразить при наименовании суть вещи так, как они ее понимали. Например, совр. фр. слово «сорайн» — «товарищ», «приятель» — состоит из двух частей «со» — «совместно» и «райн» — «хлеб», т. е. «товарищ» — это тот, с кем преломляется, делится хлеб»*.

В целом вопросы, соприкасающиеся с профессиональными интересами, полезны, поскольку стимулируют творческую активность, помогают аспиранту философские абстрактные формулировки и общие категории обратиться на свою профессиональную деятельность, достроить до ясной, конкретной картины.

В изложении истории науки историками-специалистами и философами есть существенное различие. В учебниках по специальности история науки излагается, как правило, как последовательная смена идей, проблем и их решений. Концепция курса по истории и философии науки рассматривает последнюю как феномен культуры, что предполагает изучение исторических закономерностей развития науки во взаимосвязи с другими сферами культуры, а также с особенностями

² Привожу ответы аспирантов 1-го года обучения отделений «Лингвистика» и «Языкознание» 2016 г.

общественной жизни, установками в познании, культурными моделями мышления и поведения. История науки предстает как борьба школ, история открытий и их общественного признания, эволюции мышления, другими словами, как социальная и когнитивная история науки. Применительно к нашему предмету это означает, что в курсе по философии науки для того, чтобы понять ту или иную концепцию, актуальность проблематики как для времени ее создания, так и для современности, необходимо знакомиться с культурными особенностями времени. Такая постановка вопроса заставляет задуматься о немаловажном для современной жизни вопросе — о том, что могут быть формы культуры и стили мышления, отличные от тех, к которым мы привыкли. В то же время анализ науки в социокультурном контексте позволяет аспирантам убедиться в зависимости науки от своей истории и шире — от культуры в целом. А это показывает, что философское осмысление такой культурной преемственности полезно даже для специалистов-нефилософов.

Смена исторических типов рациональности и картин мира отражалась и на судьбе языкознания. На ранних этапах развития каждому народу свойственно представление о своем языке как единственном человеческом, а о других языках как о чем-то близком к выкрикам животных (слова типа «варвары» или «немцы») этимологически означали «бормочущие»). Культурное превосходство данного народа над соседями могло усиливать такие представления. Допустим, древние греки приравнивали бормотание варваров к мычанию быков. И в Античности, и в средневековой Европе исследования языка замыкались в границах одного языка — языка культуры — древнегреческого или латинского. Подобная традиция наблюдалась и в Индии, и в Китае. Арабы, в отличие от греков, китайцев и индусов, сравнительно позже создавшие свою цивилизацию, не могли игнорировать другие языки, в частности, персидский или греческий. Но создание Корана на арабском языке позволяло не считать другие языки достойным объектом исследования.

В Новое время в Европе формируется новый взгляд на язык — вместо идеи о латыни как о единственном языке культуры возникла идея о нескольких примерно равных по значению и похожих друг на друга языках: французском, испанском, итальянском, немецком, английском и др. и о возможности их сопоставления. Позднесредневековая Европа не составляла единого государства, а представляла собой множество государств, где в большинстве случаев говорили на разных языках. При этом среди этих государств не было ни одного, которое бы могло претендовать на господство (как в прошлом Римская империя). Уже поэтому ни один язык не мог восприниматься как столь же универсальный, что и латынь. К тому же основные языки Западной Европы были генетически родственны, принадлежат к двум группам индоевропейской семьи — романской и германской, и типологически достаточно близки, обладая, допустим, сходными системами частей речи, грамматических категорий и т. д. Отсюда достаточно естественно возникала мысль о принципиальном сходстве языков, обладающих лишь частными отличиями друг от друга.

Позже в работах В. фон Гумбольдта (начало XIX в.) появится идея о «равноценности» всех языков. Владевший материалом многих языков, в том числе так называемых примитивных народов, Гумбольдт старался выявить общие закономерности исторического развития языков мира. Выделяя историю языков и их развитие, он четко осознавал, что «еще не было обнаружено ни одного языка, находящегося ниже предельной границы сложившегося грамматического строения. Никогда ни один язык не был достигнут в момент становления его форм» [1: с. 40]. Предостерегая против установления принципиальной пропасти между уровнями развития языков «культурных» и «примитивных», Гумбольдт писал, что «даже так называемые грубые и варварские диалекты обладают всем необходимым для совершенного употребления». Опыт перевода с различных языков, — отмечал он, — а также использование самого примитивного и неразвитого языка при посвящении в самые тайные религиозные откровения показывают, что, пусть даже с различной точностью, но «каждая мысль может быть выражена в любом языке» [1: с. 46]. При этом он указывал, что язык и цивилизация не всегда находятся в одинаковом соотношении друг с другом, в частности, «так называемые примитивные и некультурные языки могут иметь в своем устройстве выдающиеся достоинства, и действительно имеют их, и не будет ничего удивительного, если окажется, что они превосходят в этом отношении языки более культурных народов» [1: с. 56].

К В. Гумбольдту восходит идея неразрывной связи и взаимовлияния языка и мышления. Овладевая языком, человек усваивает одновременно и тот способ «обращения» с предметами, который естественно предлагается языковой традицией. Изучение иностранного языка Гумбольдт уподоблял приобретению новых точек в прежнем понимании: «каждый язык описывает вокруг народа круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг... Только потому, что в чужой язык мы переносим в большей или меньшей степени своё миропонимание и своё языковое воззрение, данный процесс незаметен» [1: с. 58].

Он обращает, с одной стороны, внимание на неосознанную форму существования языка, с другой стороны, на интеллектуальную активность языка. «Язык есть орган, образующий мысль». Происходит это не абстрактно, в языке вообще, а в реальных конкретных языках. Мышление не просто зависит, как пишет Гумбольдт, от языка вообще, а в определённой степени обусловлено конкретным отдельным языком.

При сравнительном изучении языков, по мнению Гумбольдта, обнаруживается наличие в языках большого количество понятий, своеобразных грамматических особенностей, которые так органически сплетены со своим языком, что не могут быть общим достоянием всех языков и без искажения не могут быть перенесены в другие языки. Сравнительный метод в языкознании позволял выявлять и своеобразие семантики языков, их самобытность, и общие элементы в их структуре.

Различие языков есть не только различие звуков и знаков, но и различие самих мировоззрений. Сравнивая языки, мы сопоставляем языковые картины мира, создаваемые с их помощью. Аспиранты на вопрос «*Как, по-вашему, выражаются в языке национальные и индивидуальные картины мира*» отметили следующее. Ольга Ф. заметила, что «*в языке отражается и сохраняется вековой опыт народа. Особенно ярко это отражается в лексике. Например, русскому слову “дом” в английском соответствуют “home” и “house”, которые различаются по своему значению как “дом” и “очаг”, у северных народов есть масса слов для обозначения охоты — их основного вида деятельности, в китайском языке есть ряд обозначений для воды, что, вероятнее всего, отражает сакральное отношение народа к данной стихии*». Юлия К. указала, что «*национальная картина мира выражает через паремнологический фонд языка (поговорки, пословицы и т. д.), через фразеологизмы, устное народное творчество и т. д., т. е. через “непереводимую лексику”*. А индивидуальная картина мира человека выражается через его язык. Слово является тем, что создает и показывает мир человека: его культуру, жизненный опыт, воспитание, образование и т. д. Мир человека — это то, как он понимает реальность и, соответственно, описывает ее». Несколько аспирантов вспомнили всем известные слова М. Ломоносова, подчеркивавшего связь языка с характером народа: «Как говаривал Карл Пятый, римский император, испанским языком пристойно говорить с Богом, немецким — с врагами, французским — с друзьями, итальянским — с женским полом, а русским — “со всеми оными”».

Следует отметить, что аспирантам-лингвистам легче, чем аспирантам или студентам других специальностей признать идею самодостаточности типологически и т. д. различающихся между собой существующих или существовавших культур (языков). Будучи погружены не только в родную языковую среду, но и профессионально изучая другие языки, они убеждаются в единстве и особенностях языковых картин мира. В частности, идея равноценности языков (культур) выделяется в лингвистике раньше, нежели в социально-политических исследованиях.

Человек не может ни мыслить, ни развиваться без языка. Именно В. Гумбольдт обратил внимание на то, что язык является условием духовного развития человека. «Создание языка, — писал он, — обусловлено внутренней потребностью человечества... Язык заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением» [1: с. 65].

Рассматривая язык как деятельность (*energeia*), а не как готовый уже продукт деятельности (*ergon*), В. фон Гумбольдт даст свое знаменитое определение языка: «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли». Дать имя (акт именования) и определить понятие (акт

означивания) — разные семиотические операции, требующие интеллектуальных усилий и хорошего воображения. Гумбольдт отмечает, что звуковая форма связана со словообразованием так же, как обозначение понятия связано с его образованием. У понятия имеются свои внутренние признаки, для которых артикуляционное чувство находит обозначающие звуки. «Язык представляет, — писал он, — не предметы, а самодеятельно в языковом порождении духом образованные о них понятия, — об этом образовании, поскольку в нём приходится видеть нечто вполне внутреннее, как бы предшествующее артикуляционному чувству, идёт речь» [1: с. 70]. «Слон» — пример Гумбольдта — называется в санскрите то «дважды пьющим», то «двузубым», то «одноруким». Подразумевается один предмет, но обозначается он различными понятиями. Классификация одного и того же предмета через подведение его под различные понятия зависит от различных методов обозначения одного и того же понятия.

Вопросы, выделенные Гумбольдтом, стали определяющими для дальнейшего развития не только языкознания, но и философии языка в целом. Как соотносятся мышление и язык? Язык и бессознательное? Как в языке сказывается индивидуальность народа, создавшего язык, и как в свою очередь она развивается под его влиянием? Язык как источник познания мира и как условие духовного развития и т. д. При различии направлений, школ, выделяемых в последующих после Гумбольдта исследованиях языка, можно определить некую общую, идущую от него идею, согласно которой язык предназначен прежде всего для достижения взаимопонимания (*Verständigung*).

Аспиранты всегда хорошо принимают лекцию по Гумбольдту, с удовольствием читают его работы, в дальнейшем часто в своих рассуждениях обращаются к Гумбольдту, но за десять лет существования новой программы для аспирантов, только несколько человек взяли философию языка Гумбольдта как тему для реферата. Долго не могла понять, почему аспиранты пишут каждый год рефераты по Л. Витгенштейну, неопозитивизму, рассматривают понятие «концепт» в философии и лингвистике, даже синергетические принципы в лингвистике выделяют, но не рассматривают концепцию языка В. Гумбольдта. Ответ оказался прост: с Гумбольдтом студенты знакомятся на первом курсе университета. Как отмечали аспиранты, они заново открыли его в рамках наших занятий, но к тому времени темы рефератов уже определены, собран материал и некоторые даже написаны. Аспиранты подсказали или указали (можно и так определить) мне на необходимость внесения изменений в читаемый курс: целесообразно, видимо, сначала выделять философские вопросы языкознания, а затем общие вопросы по философии науки.

Лингвистика — одна из немногих наук, становление которых наглядно демонстрирует связь между науками с одной стороны, наукой и культурой (жизнью в целом), с другой. Исследования языка всегда требовали обращения к истории, антропологии, психологии, физиологии, другим наукам, и, конечно, к философии.

С другой стороны, выявляя специфику той или иной науки, всегда обращаются к принципам и категориям лингвистической эпистемологии, выявляя соответствующий язык и т. д. В рамках курса мы останавливались на позиции К.-О. Апеля, отмечавшего, что словом «язык» обозначается проблема оснований науки и философии, а не просто эмпирический предмет науки наряду с другими [5]. На вопрос: «Какие аргументы в поддержку или в опровержение этого тезиса можно привести?» большая часть аспирантов отметила, что без изучения языка невозможно исследование познания, мышления, культуры, но в то же время есть «науки о языке», объектом исследования которых выступает язык как эмпирический предмет.

На занятиях с аспирантами особое внимание уделяется вопросам методологии научного познания. Предмет лингвистики как специальной теории языка зависит от понимания языка. Если, например, рассматривать язык исключительно как систему знаков, то лингвистика выступает только частью семиотики. Но если допустить, что язык — это и действительная реальность мысли, форма сознания, то лингвистика выходит за рамки этого ограничения. Поэтому выделение предмета в теориях языка оказывается в значительной степени методологически зависимым. Хотя язык и остается главным и единственным объектом лингвистики, в теориях языка, целенаправленно изучающих структуру языка или внешние связи языка с обществом и с индивидуальным сознанием и т. д., решающую роль играет соответствующая предмету методология.

Применительно к лингвистике основными общеметодологическими положениями выступают следующие:

- язык — исторически развивающееся явление;
- язык — социальное явление;
- язык имеет собственные внутренние законы;
- язык — это своеобразная система систем (Н. Хомский);
- система языка не может быть абсолютно непротиворечивой и правильной системой и др.

На каждом этапе развития науки о языке выделяют, как правило, один господствующий метод, типичный для данного периода. С опорой на историю языкознания аспирантам легче понять, с одной стороны, общие проблемы философии науки, допустим, понятие парадигмы Т. Куна (смена компаративистики как лингвистической парадигмы в начале XX в. на структурализм и т. д.), а с другой — становится «понятной» история языкознания. Почему взгляды молодого Ф. де Соссюра, многообещающего, талантливого ученого, обучавшегося (другими словами, воспитанного профессионально) в Германии, не были здесь приняты? В возрасте 21 года Соссюр заканчивает «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» (это была единственная книга Ф. де Соссюра, изданная при его жизни), в котором сделал принципиально новый вывод о системности языка. За видимым беспорядочным разнообразием индоевропейских корней и их вариантов, — считал он, — скрывается вполне строгая и единообразная структура корня,

а выбор вариантов одного и того же корня подчинен единым, сравнительно простым правилам. В связи с этим он выдвинул гипотезу о существовании в праиндоевропейском языке так называемых ларингалов — особого типа сонантов, не сохранившихся в известных по текстам языках, вводившихся исключительно из соображений системности. Гипотеза Ф. де Соссюра противоречила методологическим принципам младограмматиков, работавших с изолированными историческими фактами, и не была признана. Уже после смерти ученого в 30-е гг. XX в. на основе исследований вновь открытого хеттского языка подтвердилась реальность одного из ларингалов, и гипотеза Ф. де Соссюра получила развитие в индоевропеистике. На этом примере можно рассмотреть не только понятия «парадигмы» и «научной революции», но и роль гипотез в научном познании, виды теорий (описательная и объяснительная), роль традиций в развитии науки и др.

Выделяя в рамках курса вопросы методологии (общей и специальной), важно отметить наличие общих идей, их взаимовлияние и взаимопроникновение, «обмен» не только между философией и лингвистикой, но и между лингвистикой и другими науками. Можно вспомнить, что Соссюр, рассматривая знак как единство двух сторон — означаемого и означающего — использовал в своей теории идею двух видов стоимости Адама Смита и позднейшей политэкономии (сам А. Смит начинал свою деятельность как лингвист). Как известно, товар может иметь конкретную потребительскую стоимость, определяемую качествами данного товара, и абстрактную меновую стоимость, связанную с его отношением к другим товарам. По аналогии Соссюр открыл два значения языкового знака: 1) его конкретное значение (определяемое в толковом словаре и т. д.) и 2) его абстрактное значение, определяемое относительно, т. е. отношением к другим словам языка.

История языкознания дает богатейший материал о связи познания и практики. Все лингвистические традиции (описания языка) создавались для решения конкретных практических задач, главной из которых была задача обучения, причем не родному, материнскому, языку, который усваивается в большей степени бессознательно, а языку, отличному от него, либо расходившемуся с разговорным.

Другой, не менее важной задачей, была задача толкования текстов на языке, отличном или расходившемся с разговорным. Изучение языка стимулировало также стихосложение и другие области практики.

В ходе работы с аспирантами было поднято и осмыслено немало вопросов, затрагивающих философские проблемы языкознания. Позволю себе сделать вывод, ссылаясь на отзывы аспирантов: курс по истории и философии науки (в рамках которого читается философия языка) по меньшей мере помогает структурировать, а иногда и приращивать, специальные знания по истории науки (языкознания), полученные в процессе университетского образования.

Литература

1. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию / пер. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
2. Платон. Кратил // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. 860 с. С. 613–681.
3. Черенькая С.В. Некоторые вопросы преподавания курса по философии науки в вузе // III Всероссийская конференция по науковедению и наукометрии: тезисы докладов (МГПУ, 27–29 октября 2015 г.). М: МГПУ, ООО НИЦ «Инженер», 2015. С. 48–51.
4. Черенькая С.В. Традиции университетского образования в современном информационном пространстве // Университет в социокультурных реалиях современного общества» в рамках «Дней философии в Санкт-Петербурге: материалы научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 29 октября – 01 ноября 2014 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 280–289.
5. *Apel Karl-Otto*. Das Problem der philosophischen Letztbegründung im Lichte einer transzendentalen Sprachpragmatik. Versuch einer Metakritik des 'kritischen Rationalismus' // *Apel K.-O.* Auseinandersetzungen in Erprobung des transzendentalpragmatischen Ansatzes. Frankfurt: Suhrkamp, 1998. S. 33–81.

Literatura

1. *Gumbol'dt V.* O razlichii stroeniya chelovecheskix yazy'kov i ego vliyani na duxovnoe razvitie chelovechestva // *Gumbol'dt V.* Izbr. trudy' po yazy'koznaniyu / per. G.V. Ramishvili. M.: Progress, 1984. 400 s.
2. *Platon*. Kratil // *Platon*. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1. M.: My'sl', 1994. 860 s. S. 613–681.
3. *Chernen'kaya S.V.* Nekotory'e voprosy' prepodavaniya kursa po filosofii nauki v vuze // III Vserossiyskaya konferenciya po naukovedeniyu i naukometrii: tezisy' dokladov (MGPU, 27–29 oktyabrya 2015 g.). M: MGPU, ООО NICz «Inzhener», 2015. S. 48–51.
4. *Chernen'kaya S.V.* Tradicii universitetskogo obrazovaniya v sovremennom informacionnom prostranstve // *Universitet v sociokul'turny'x realiyax sovremennogo obshhestva»* v ramkax «Dnej filosofii v Sankt-Peterburge: materialy' nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 29 oktyabrya – 01 noyabrya 2014 g.). SPb.: Izd-vo SPbGU, 2015. S. 280–289.
5. *Apel Karl-Otto*. Das Problem der philosophischen Letztbegründung im Lichte einer transzendentalen Sprachpragmatik. Versuch einer Metakritik des 'kritischen Rationalismus' // *Apel K.-O.* Auseinandersetzungen in Erprobung des transzendentalpragmatischen Ansatzes. Frankfurt: Suhrkamp, 1998. S. 33–81.

S.V. Chernenkaya

Philosophy of Language for Postgraduate Students

The article suggests a vision of a course on the philosophy of language for postgraduate students-linguists, that can be read in the framework of the history and philosophy of science and revealing the specifics of history and methodology of linguistics, communication between philosophical and specially scientific language studies. Particular attention in the framework of the course is paid to the language of science.

Keywords: language; thinking; methodology; philosophy of language; linguistics; semantics.